

И. В. ЛЬВОВА \*

**НАТАНИЭЛ УЭСТ  
И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕМЫ «ХРИСТА ДОСТОЕВСКОГО»  
В АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX в.**

*Ключевые слова:* Ф.М. Достоевский, американская литература, рецензия, влияние, тема Христа у Достоевского, Н. Уэст, К. Маккаллерс, Дж. Сэлинджер, Дж. Керуак, Дж. Холмс.

В статье исследуются особенности интерпретации темы «Христа Достоевского» в творчестве американских писателей XX в.: Н. Уэста, К. Маккаллерс, Дж. Сэлинджера, Дж. Керуака, Дж. Холмса. Доказывается, что одна из центральных проблем творчества американских писателей — проблема возможности осуществления христианского идеала в современном мире — рассматривается ими под воздействием представлений о Христе Достоевского как Христе «страдания и любви». Традиция такого прочтения Достоевского в американской литературе была заложена уже в 1940-е гг., в том числе и в творчестве Н. Уэста. В статье рассматриваются особенности интерпретации «христианства Достоевского» американским писателем и их отражение в романе «Подруга скорбящих». Показывается, что эта интерпретация оказалась актуальной в американской литературе 1950–1960-х гг., способствуя более глубокому пониманию творчества Достоевского. Приводятся примеры влияния Достоевского на создание образов героев-«спасителей», а также на особенности использования христианских мотивов в творчестве американских писателей.

Влияние творчества Достоевского на американскую литературу в XX в. было значительным и разнообразным, его рецепция формировалась в большой степени под воздействием европейской традиции: Достоевский был прочитан как философ, новатор художественной формы, исследователь человеческой психики, «апостол, сумасшедший, утешитель страждущих или возмутитель спокойствия»<sup>1</sup>. Наиболее «неусвояемым» для европейцев и американцев было православие Достоевского, которое, по словам влиятельного американского

---

\* Ирина Вильевна Львова, д-р филол. наук, профессор кафедры германской филологии Петрозаводского государственного университета — [ilvovaster@gmail.com](mailto:ilvovaster@gmail.com).

<sup>1</sup> *Vogue E.-M. de. The Russian Novel. New York, 1916. P. 262.* Здесь и далее перевод мой. — *И.Л.*

литературоведа и критика Р. Блэкмура, представлялось «примитивным христианством»<sup>2</sup>.

В западном сознании Достоевский оставался выразителем «русской души», которую связывали с «религией страдания»: эти представления М. Вогюэ были повторены А. Жидом: «Достоевский достиг популярности во Франции благодаря прекрасной идее Вогюэ применить к учению, которое представлено в “Преступлении и Наказании”, клише — “религия страдания”»<sup>3</sup> — и восприняты американцами как свидетельство странности и чуждости мира русского писателя.

Тем не менее христианская мысль Достоевского была услышана американскими писателями, и они откликнулись на нее, используя его темы, мотивы и образы в своих произведениях. Под его влиянием в американской литературе появляются образы героев-«спасителей», наделенные хриstopодобными чертами и рефлексиирующие над проблемами веры, греха, страдания, любви. Создается традиция интерпретации некоторых тем Достоевского, среди которых важной была и тема Христа.

Среди таких писателей первым следует назвать Натаниэла Уэста (1903–1940), выдающегося писателя-сатирика, чье творчество относят к американской литературе «черного юмора». В пятидесятые годы, когда начинает расти интерес к его наследию, появляются компаративистские работы о влиянии Достоевского на Уэста. В них отмечалось сходство в приемах изображения героев, утверждалось, что «дуалистические характеры Уэста» имеют своими предшественниками одержимых героев Достоевского, прежде всего Раскольников<sup>4</sup>.

В это же время выходит и статья Д. Лайта «Жестокость, мечты и Достоевский», примечательная тем, что в ней приводятся неопубликованные высказывания Уэста о Достоевском. В частности, Лайт цитирует слова Уэста: «Если нам суждено выжить, следующее столетие должно принадлежать христианству Достоевского (Dostoevsky's Christianity)»<sup>5</sup>.

Что понимал Уэст под «христианством Достоевского»? Прямых комментариев писателя, объяснивших бы его точку зрения, нет, однако в самом известном произведении Уэста «Подруга скорбящих» («Miss

---

<sup>2</sup> Blackmur R. *Eleven Essays in the European Novel*. New York, 1964. P. 122. Блэкмур пишет: «Его взгляд был взглядом примитивного христианина, и это так сильно было в нем, что сделало слепым к чему-либо другому. Для него край пропасти греха был горизонтом спасения верою, а страдание было условием видения и понимания. Грех был преступлением, а страдание, созданное верою, было наказанием».

<sup>3</sup> Gide A. *Dostoevsky*. London; Toronto, 1925. P. 40.

<sup>4</sup> Reid R. *The Fiction of Nathanael West: No Redeemer, No Promised Land*. Chicago, 1967. P. 306.

<sup>5</sup> Light J. *Violence, Dreams and Dostoevsky: the Art of Nathaniel West* // *College English*. 1958. Vol. 19, N 5. P. 213. Лайт приводит замечание друга детства Уэста Джона Сэнфорда о том, что «тот хвастался, что мог бы переписать Достоевского с помощью ножиц», а также воспоминание Дж. Хербст о частых разговорах о Достоевском и признании Уэста о сильнейшем впечатлении от «Бесов» (см.: *Ibid.* P. 213–214).

Lonelyhearts», 1933) он обращается к темам Достоевского — страдания, Христа и христианской любви. Представление Уэста о «христианстве Достоевского» нашло отражение в его интерпретации этих ключевых тем.

В своем произведении Уэст создал портрет современного христианского проповедника, журналиста, ведущего в газете колонку, в которой дает утешительные советы читателям, ищущим у него защиты и облегчения страданий. Письма читателей создают образ мира жестокости и насилия. Лишив своего героя имени — в романе он выступает под женским псевдонимом «Мисс Одинокое Сердце» (в переводе В. Гольшева «Подруга скорбящих») — Уэст подчеркивает абсурдность ситуации, в которой находится герой. Достоевский в произведении упомянут дважды. Первый раз в главе «Подруга скорбящих и ягненок», в которой дается описание комнаты героя. Рядом с распятием лежит том «Братьев Карамазовых» с закладкой «на главе о старце Зосиме»: «...любите человека и во грехе его, ибо сие уже подобие Божеской любви и есть верх любви на земле. Любите все создание Божие, и целое, и каждую песчинку. Каждый листик, каждый луч Божий любите. Любите животных, любите растения, любите всякую вещь. Будешь любить всякую вещь и тайну Божию постигнешь в вещах. Постигнешь однажды и уже неустанно начнешь ее познавать все далее и более, на всяк день. И полюбишь наконец весь мир уже всецелою, всемирною любовью». Придя домой, герой сразу же открывает книгу на отмеченной странице и комментирует прочитанное следующим образом: «Прекрасный совет. Если бы он последовал ему, то преуспел бы в жизни. Его колонку распространили бы агентства печати, и мир научился бы любить. Наступило бы Царствие Небесное. Он сел бы одесную Агнца»<sup>6</sup>. Этот иронический комментарий о невозможности воплощения христианского идеала в современном мире определяет основную тему произведения. Его дополняет описание распятия Христа, который «висел спокойно и декоративно». Декоративность, внешнее следование догме при отсутствии веры — причина страданий героя, которую он осознает: «Если бы он верил в Христа, тогда прелюбодеяние было бы грехом, все стало бы просто, а ответить на письма — легче легкого»<sup>7</sup>. Неверие разрушает его самого и увеличивает насилие в мире (сцена избития старика, сон об убийстве ягненка и т. д.).

В произведении Уэста последовательно проводится антитеза «бизнес от Христа» (Christ business) и «мечта о Христе» (Christ dream), именно эти два полюса определяют внутренний конфликт героя, занимающегося «христианским бизнесом», но тоскующего по истинной

---

<sup>6</sup> Уэст Н. Подруга скорбящих / Пер. В. Гольшева // Уэст Н. День саранчи. СПб., 2011. С. 68.

<sup>7</sup> Там же. С. 86.

любви и вере. «Христианство Достоевского» есть именно выражение «мечты о Христе» главного героя.

Двойственность героя, который, как и подпольный человек Достоевского, тоскует по идеалу, но сознает свою неспособность следовать ему, определяет его поступки. «У меня комплекс Христа, — говорит он невесте Бетти — я возлюбил человечество. Каждого сломленного кретина»<sup>8</sup>. Его размышления о невозможности любви к ближнему перекликаются с подобными рассуждениями героев Достоевского. Версилов говорит: «Тут какая-то ошибка в словах с самого начала, и “любовь к человечеству” надо понимать лишь к тому человечеству, которое ты же сам и создал в душе своей...» и предлагает Аркадию компромисс: «Любить своего ближнего и не презирать его — невозможно... делай им добро, скрепя свои чувства» (13, 174).

Двойственность протагониста выявляет и образ Шрайка, холодно-интеллектуала, циника, сочиняющего пародийные молитвы Христу. Он глумится над «мечтой о Христе» главного героя, показывая невозможность ее в обществе, где доминирует насилие, а человек обречен на страдания. Шрайк в произведении — двойник и антипод героя, разрушающий его веру и надежду, но его способность искушать возможна потому, что главный герой и сам утратил веру, признавая, что «Христос — это тщета» (*vanity*).

Отражает ли пародийный пласт в произведении, в котором осмеивается сама мысль о возможности христианской любви, авторскую точку зрения? Ряд исследователей полагает, что в «Подруге скорбящих» Уэст изображает мир примитивной сексуальности, потому что вера в Христа никогда не была для Уэста ответом, ибо для него Христос никогда не существовал<sup>9</sup>. Однако представляется, что мысль Уэста была сложнее: он не отказывается от идеала христианской любви, ибо альтернатива ему — мир Шрайка. «Христианство Достоевского» в произведении оказывается единственной возможностью возвращения к «живой жизни», от которой «даже до того отвыкли, что чувствуем подчас к настоящей “живой жизни” какое-то омерзение, а потому и терпеть не можем, когда напоминают про нее» (5, 178).

Второе упоминание имени Достоевского — в главе «Подруга скорбящих собирает материал на местах», где протагониста называет Достоевским его коллега Голдсмит: «Ты что это, Достоевский? — сказал он. — Так не годится. Не русского корчить надо, рекомендующего самоубийство...»<sup>10</sup> Это замечание отражает сложившиеся представления о Достоевском как феномене чуждого мира; интересно также, что «русский», и «Достоевский» в данном контексте являются синонимами.

---

<sup>8</sup> Там же. С. 72.

<sup>9</sup> *Andreach J. R. Nathanael West's Miss Lonelyhearts: Between the Dead Pan and the Unborn Christ // Modern Fiction Studies. 1966. 12. N2. P. 255.*

<sup>10</sup> *Уэст Н. Подруга скорбящих. С. 85.*

Героя иронически называют «Достоевским», потому что тот слишком уж уязвлен страданиями людей и проповедует «христианство Достоевского». Вероятно, в этой ремарке отразились представления о русском писателе как выразителе «религии страдания». Как известно, Достоевский видел в страдании залог подлинности бытия, он не мог представить полноту счастья без страдания: «Без страдания и не поймешь счастья. Идеал через страдание проходит, как золото через огонь. Царство небесное усилием достигается» (29, 137–138). Тема страдания занимает важное место и в произведении Уэста. Постепенно герой приходит к пониманию, что мечта о Христе разрушена по его вине: в нем нет любви и смирения, а смирение обретается страданием.

В последней главе рассказывается о том, как герою наконец открылась духовная истина: в болезненном лихорадочном состоянии тот обращается к Богу со словами, что принял этот мир, что смирение вернуло ему целостность, излечило его духовно. Но именно в момент нравственного перерождения, когда он исполнен настоящей любви и сострадания, герой нелепо погибает от руки человека, которого хочет спасти. Таким образом, выбранный путь самоотречения приводит протагониста к смерти. Умереть для других, отринуть свое *я* — это и есть то, что Голдсмит называет самоубийством. Является ли такой финал ироническим откликом Уэста на знаменитые слова Достоевского о том, что «высочайшее употребление, которое может человек сделать из своей личности, из полноты развития своего *я*, — <...> отдать его целиком всем и каждому безраздельно и беззаветно. <...> Таким образом, закон *я* сливается с законом гуманизма...» (20, 172)? Представляется, что ирония выявляет не наивность или иллюзорность идеалов Достоевского, а трагическую их несовместимость с условиями и принципами современного общества.

Герой Уэста имеет много общих черт с подпольными героями Достоевского: он двойственен, склонен к буффонаде, так же болезненно одержим идеей, существует на грани нервного срыва. Его отношения с невестой Бетти, которую он мучает, оттого что не может любить, похожи на отношения подпольного с Лизой, а сама Бетти представляет собой тот тип героинь Достоевского, которые пытаются спасти героя от самого себя, подобно Лизе, понимающей, что на самом деле подпольный человек глубоко несчастен, или Соне, которая на признании Раскольникова отвечает: «Что вы, что вы над собой сделали! <...> Нет, нет тебя несчастнее никого теперь в целом свете!» (6, 216). Как пишет подпольный герой, Лиза «вполне поняла, что я человек мерзкий и, главное, не в состоянии любить ее» (5, 176).

Тем не менее, герой Уэста — это гротескный персонаж, действующий в гротескной ситуации. Функция гротеска в повести — сатирически заострить нравственные и социальные проблемы, но гротеск Уэста также выявляет трагическое мироощущение самого писателя, размышляющего о возможности воплощения христианского идеала любви.

В произведении он не полемизирует с Достоевским, а развивает мысль писателя о том, что любовь Христа спасительна для человека. В Евангелии от Иоанна Достоевский выделил в качестве его основной мысли: «Заповедь новую даю вам: да любите друг друга. Как я возлюбил вас, так и вы любите друг друга» (Ин 13: 34). «Христианство Достоевского» — в основе которого заповедь любви, видится Уэсту ответом на нравственные искания человека.

Размышления о значении христианской проповеди Достоевского находят отражение и в литературе 1940–1950-х гг. В 1940 г. выходит знаменитый роман К. Маккаллера «Сердце — одинокий охотник» («The Heart is a Lonely Hunter», 1940), сразу же принесший молодой писательнице национальное признание, в нем она создает образ христоподобного героя Джона Сингера. По форме произведение Маккаллера — роман-притча, но описываемая ситуация сходна с той, что рассматривается в сатирическом романе Уэста. Джон Сингер в глазах жителей маленького южного городка похож на Христа, он несет утешение и любовь людям. Ему они поверяют свои сомнения, рассказывают о несчастьях. Одна из главных героинь романа, Мик Келли, обращается к нему со словами молитвы: «Прости меня, боже, ибо не ведаю, что творю». Почему ей пришли в голову эти слова? Кто же теперь не знает, что никакого бога на самом деле нет? Когда она думала о том, как раньше представляла себе бога, перед ее глазами почему-то сразу возникал мистер Сингер, обернутый в длинную белую простыню. Бог молчит — может, потому он ей таким представлялся? Она снова повторила, будто обращая слова к мистеру Сингеру: «Прости меня, боже, ибо не ведаю, что творю»<sup>11</sup>.

Ирония ситуации в том, что Джон Сингер — глухонемой и не способен понять людей, обращающихся к нему со своими бедами. В отличие от героя Уэста, который чувствовал свое призвание в том, чтобы утешать страждущих, для Джона Сингера необходимость выслушивать людей обременительна. Подобно герою Уэста, он тоже жертва — непонимания и одиночества, и тоже ищет любви и утешения у своего друга, глухонемого идиота Антонаполуса.

Как и в романе Уэста, герои Маккаллера страдают от классового, расового, социального, гендерного неравенства. И, чтобы примириться с несправедливостью и избежать одиночества, создают фигуру «спасителя», все понимающего и сочувствующего. Вера в него придает их жизни смысл: «Итак, слухи о немом шли густо и самые разноречивые. Евреи говорили, что он еврей. Лавочники на Главной улице утверждали, будто он получил большое наследство и теперь очень богат. В одном запуганном властями профсоюзном комитете текстильщиков шепотом передавали, что немой — организатор из КПП (конгресс производственных профсоюзов. — *И. Л.*). Одинокий турок, который забрел

---

<sup>11</sup> Маккаллерс К. Сердце — одинокий охотник. М., 1969. С. 100.

много лет назад в этот город и с тех пор изнывал здесь, торгуя в лавчонке полотном и холстиной, страстно убеждал жену, что немой — турок. Он доказывал, что, когда он заговорил с ним на своем родном языке, тот его понял. И, говоря об этом, он словно оттаивал, забывал переругиваться с детьми и был полон сил и энергии, планов на будущее. Какой-то деревенский старик утверждал, будто немой — из одного с ним округа и отец немого собирал лучший урожай табака во всей округе. Вот какие пересуды шли вокруг Сингера»<sup>12</sup>.

Создавая образ Сингера, Маккаллерс, безусловно ориентировалась на хриstopодобных героев Достоевского. Внутренняя переключка с Достоевским прослеживается всякий раз, когда в романе затрагивается тема Христа. Так, еще одним спасителем в произведении является Джейк Блаунт, когда-то мечтавший быть проповедником, евангелистом, а теперь пропагандирующий социалистические идеи. Слова Джейка о том, как церковь извратила идеал Христа — аллюзия к «Легенде о Великом инквизиторе»: «Возьмите хотя бы Христа. Он был один из нас. Он прозрел. Когда он сказал, что труднее верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому войти в царствие небесное, он-то уж знал, что говорит! А вы посмотрите, что с Христом сотворила церковь за последние две тысячи лет. Что она из него сделала! Как она извратила каждое его слово в угоду своим низким целям! Если бы Христос жил сегодня, его подвели бы под монастырь и упрятали за решетку. Ведь он был бы одним из тех, кто прозрел»<sup>13</sup>.

В эссе «Цветущая мечта. Заметки о писательстве»<sup>14</sup> Маккаллерс высказывает мысль, близкую Достоевскому, об идеальности Христа, явившего пример любви к ближнему, и замечает, что земная любовь не может быть для человека спасением, что истинная любовь исходит от Христа.

Читая Достоевского, Маккаллерс размышляла о том, может ли вера героев в Христа стать спасением для них. В статье «Русские реалисты и литература Юга» (“The Russian Realists and Southern Literature”) Маккаллерс предполагает, что Христос нужен был Достоевскому, чтобы как-то обойти неразрешимые противоречия бытия. Достоевский берет ответственность за разрешение загадок жизни, но чтобы решить их, он должен был бы стать Мессией. Ответ на вопрос, который дается в «Преступлениях и наказаниях» — это частное решение, в то время как поставленные писателем вопросы являются метафизическими и универсальными<sup>15</sup>. По словам биографа Маккаллерс В. Карр, писательнице была чужда вера в возможность спасения, смерть была для нее

<sup>12</sup> Маккаллерс К. Сердце — одинокий охотник. М., 1969. С. 170–171.

<sup>13</sup> Там же. С. 133.

<sup>14</sup> McCullers C. The Flowering Dream: Notes of Writing // McCullers C. The Mortgaged Heart. Boston, 1971. P. 281.

<sup>15</sup> McCullers C. The Russian Realists and Southern Literature // McCullers C. The Mortgaged Heart. P. 256.

абсолютом, «миллионem нолей, добавленным к пустоте»<sup>16</sup>. Но диалог с Достоевским оказался важен для Маккаллера при раскрытии главных тем творчества: одиночества, отчуждения, духовной изоляции.

1950-е гг. — новый период в осмыслении «христианства Достоевского», большое место эта тема занимает в литературе поколения Бит, особенно в творчестве Дж. Керуака, который интерпретирует образ Христа у Достоевского в духе новой жизненной философии поколения Бит как Христа «страстей и радостей» (of lusts and glees)<sup>17</sup>.

Литература Бит использует форму *roman a clef*, что объясняет, в частности, отсутствие образов «спасителей» в произведениях и самой ситуации «спасения» страдающих. Но темы страдания, христианской любви, прочитанные у Достоевского, присутствуют в романах и Керуака, и Дж. Холмса и вводятся они с помощью ссылок и аллюзий на произведения русского писателя. Как и в произведении Уэста, «Христос Достоевского» у писателей Бит — проповедник любви и смирения, которое обретается страданием.

Образ современного мира как ада, где человек утратил веру и способность любить, представленный в романе Уэста, актуализируется и в прозе Бит. В романе Холмса «Иди» («Go», 1952) эта тема вводится эпиграфом из «Братьев Карамазовых»: «Отцы и учителя, мыслю: “Что есть ад?” Рассуждаю так: “Страдание о том, что нельзя уже более любить”» (14, 292). Эти же слова перефразирует Керуак в письме Холмсу 1958 г.: «Ад — это неспособность любить Бога. Неспособность любить Бога — это просто утрата знания о его вечном сострадании»<sup>18</sup>.

Одна из центральных проблем в рефлексии писателей Бит — возможность христианской любви в современном мире — интерпретируется ими в контексте творчества Достоевского. Как и Подруга скорбящих, герои Холмса пытаются следовать христианской заповеди любви, но, и их «закон личности связывает». Об этом размышляет один из героев, Стофски: «...это все-таки не любовь. Все последние недели он старался, откладывая деньги для Анке, чтобы тот смог уехать из города, унижался перед равнодушным Литл Роком, но так и не смог полюбить их»<sup>19</sup>.

Другая мысль, связанная с «христианством Достоевского», — о страдании как приближении к христианскому идеалу, также становится темой романа поколения Бит. В романе Керуака «Ангелы одиночества» («Desolation Angels», 1965) главный герой Джек Дулуоз видит мир как юдоль страданий: «И передо мной встает видение изможденных ужасных мертвенных лиц, проходящих одно за другим в бар этого мира, но Бог ты мой, все они стоят в очереди, в бесконечной очереди,

<sup>16</sup> Carr V. *The Lonely Hunter. A Biography of Carson McCullers*. New York, 1975. P. 165.

<sup>17</sup> См.: Львова И. В. «Христос Достоевского» в художественном сознании Д. Керуака // Учен. зап. Петрозаводского гос. ун-та. Петрозаводск, 2011. № 1 (114). С. 58–60.

<sup>18</sup> Kerouac J. *Selected Letters. 1957–1969*. New York, 1999. P. 161.

<sup>19</sup> Holmes J. C. *Go*. New York, 1980. P. 277.

которая непрерывно ведет их в могилу»<sup>20</sup>; «...рафаэлевская гримаса почти заставляет расплакаться меня, я все понимаю, я страдаю, все мы страдаем, люди умирают у нас на руках, это невыносимо, но надо двигаться дальше, будто ничего такого не происходит, правда»<sup>21</sup>. Как и у героя романа Уэста, страдания людей вызывают у Дулуоза желание защитить их: «...я старый охранитель этого собрания нежных младенцев <...>».<sup>22</sup> Как Раскольников вопрошает Соню о том, что надо делать — смириться или бунтовать, Джек Дулуоз адресует матери похожий вопрос: «Как же быть с этим ужасом повсюду? <...> Единственное что нам остается, это быть как моя мать: терпеливыми, доверчивыми, внимательными, недалекими, быть настороже, радоваться мелким удачам, опасаться крупных, бояться данайцев, дары приносящих, делать все по-своему, никого не обижать, заниматься своим делом и договориться с Господом Богом. Потому что Господь это наш ангел-хранитель, и доказательство этому вы получите, когда остальные доказательства уже не работают»<sup>23</sup>.

Путь героев романа Холмса сходен с тем, что проходят герои Достоевского: через отрицание к утверждению, через отчаяние и преступление к вере. Холмс так писал об этом пути: «...во время горячки душа переживает кризис, перед тем как вернуться к своей природе — так же как и тело. Частью кризиса являются преступление, погоня за новыми ощущениями, деградация, грех. <...> Наша человеческая природа борется с Богом до последнего, и обращается к жизни, просто жизни, очищенной от значения или ценности, сырому веществу реальности, как последней, избавленной от груза заблуждений ценности. Но Бог (если он существует) терпеливо ожидает за тем, что Йетс называет “отчаяние реальности”»<sup>24</sup>.

Однако на этом пути герои Холмса должны решить ту же проблему, что и Подруга скорбящих Уэста — отказаться от претензий своего эго. Как замечает Холмс в предисловии к книге, «эго... является главным препятствием для того, чтобы войти в реальную жизнь»<sup>25</sup>. В этой связи показательным является разговор героев Стофски и Анке. Анке рассказывает о женщине-нищенке, которая оказалась в автобусе рядом с хорошо одетой дамой, и та не захотела сидеть с нею рядом. Нищенка стала оскорблять ее, даже плевать, пока не заметила, что «все отодвинулись от нее и тайком косились на нее. Тогда ее гнев сменился безнадежностью и смущением»<sup>26</sup>. Стофски, безусловно, сочувствует

---

<sup>20</sup> *Kerouac J. Desolation Angels. New York, 1979. P. 299.*

<sup>21</sup> *Ibid. P. 170–171.*

<sup>22</sup> *Ibid. P. 171.*

<sup>23</sup> *Ibid. P. 340.*

<sup>24</sup> *Holmes J. C. The Broken Places: Existential Aspects of the Novel // Passionate Opinions. P. 165.*

<sup>25</sup> *Holmes J. C. Go. P. XXII.*

<sup>26</sup> *Ibid. P. 243.*

нищенке: «Почему они отвергли ее?» Но Анке ставит вопрос по-другому: «Почему она отвергла их?» Стофски поражен мыслью о необходимости отречения от претензий своего эго: «Что за странная идея! Конец эго, смерть воли. <...> Но что это за провокация! <...> Не ощущать себя униженным даже в глубине сердца!»<sup>27</sup> Однако, как и для героев Уэста, для большинства героев Холмса мысль Достоевского о страдании остается чуждой.

Обращение к теме Христа Достоевского определило не только проблематику произведений Бит, но и послужило созданию битнического мифа о поколении.

В самом известном романе 1950-х гг. «Над пропастью во ржи» («*The Catcher in the Rye*», 1951) Дж. Сэлинджер создает еще один образ «спасителя», подростка Холдена Колфилда, который хочет стать «ловцом во ржи»: «Вот и вся моя работа. Стеречь ребят над пропастью во ржи»<sup>28</sup>. Очевидно, что образ Холдена создан и под влиянием Достоевского<sup>29</sup>.

Сэлинджер оставил свидетельства о своем знакомстве с творчеством русского писателя, но они весьма немногочисленны. В интервью 1948 г. он называет имя Достоевского в числе любимых писателей. В одном из лучших рассказов «Посвящается Эсме» («*For Esmé — with Love and Squalor*», 1950) главный герой сержант Икс (образ во многом автобиографический) записывает на форзаце книги Геббельса, принадлежавшей дочери хозяина дома, под словами «Жизнь — это ад», слова Достоевского: «Отцы и учителя, мысль: “Что есть ад?” Рассуждаю так: “Страдание о том, что нельзя уже более любить”» (14, 292)<sup>30</sup>.

Приведенная цитата говорит о том, что формируется традиция прочтения русского писателя, обращение к «христианской теме Достоевского» становится частью ее. В романе Сэлинджера «Над пропастью во ржи» важна тема Христа, причем Христос является идеалом для бунтующего героя, не принимающего фальшь современного общества, и в этом смысле мировоззренческие и нравственные позиции писателей очень близки. «Я люблю Христа», — говорит Холден. Для него Христос искренен, поэтому истинен. Об этом он размышляет, наблюдая рождественские представления: «...считается, что все это ужасно религиозно и красиво, но где же тут религия и красота <...>, когда кучка актеров таскает распятия по сцене. <...> бедного Христа, наверно, стошнило бы <...> А вот одна штука Христу, наверно, понравилась бы — это

<sup>27</sup> Ibid.

<sup>28</sup> *Salinger J. D. The Catcher in the Rye*. New York, 1979. P. 150.

<sup>29</sup> См.: *Furst L. Dostoevsky's "Notes from Underground" and Salinger's "The Catcher in the Rye"* // *Canadian Review of Comparative Literature*. 1978. Vol. 5. P. 72–85; *Gerigk H. J. Dostojewskijs Jungling und Salinger's "The Catcher in the Rye"* // *Dostoevsky Studies*. 1983. Vol. 4. P. 37–52.

<sup>30</sup> *Сэлинджер Дж. Над пропастью во ржи. Повести. Девять рассказов*. М., 1983. С. 521.

ударник из оркестра. <...> у него никогда не было скуки на лице»<sup>31</sup>. Холден убежден, что «никогда Христос отправил бы этого несчастного Иуду в ад»<sup>32</sup>. Идеалом любви для Холдена является всепрощающая любовь Христа, а эта мысль была важна и для Достоевского, его «символ веры», сформулированный в известном письме Н. Д. Фонвизиной: «Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но и с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть» (28<sub>1</sub>, 176).

Бунт героя завершается примирением с жизнью, и это примирение возможно только когда он обнаруживает в себе способность любить и чувствует преобразующую силу любви.

Таким образом, американские писатели не только внимательно прочитали Достоевского, но и обратились к его христианской проповеди, которая определила проблематику их произведений. Названные романы — размышления о возможности осуществления христианского идеала в современном мире. Христос Достоевского увиден ими как Христос страдания и любви, и герои — «спасители» стремятся пройти путь, описанный в романах Достоевского, от безверия, бунта, через страдания к примирению и любви. Американские писатели показывают трудности и противоречия этого пути. Натаниэл Уэст был один из первых, заложивших в американской литературе традицию такого прочтения Достоевского, которая оказалась плодотворной и способствовала более глубокому пониманию творчества русского писателя.

## Библиографический список

- Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1970–1990.
- Львова И. В.* «Христос Достоевского» в художественном сознании Д. Керуака // Учен. зап. Петрозаводского гос. ун-та. Петрозаводск, 2011.
- Маккаллерс К.* Сердце — одинокий охотник. М., 1969.
- Уэст Н.* Подруга скорбящих / Пер. В. Голышева // Уэст Н. День саранчи. СПб., 2011.
- Andreach J. R.* Nathanael West's Miss Lonelyhearts: Between the Dead Pan and the Unborn Christ // *Modern Fiction Studies*. 1966. Т. 12, N2.
- Blackmur R.* Eleven Essays in the European Novel. New York, 1964.
- Carr V.* The Lonely Hunter. A Biography of Carson McCullers. New York, 1975.
- Furst L.* Dostoevsky's Notes from Underground and Salinger's «The Catcher in the Rye» // *Canadian Review of Comparative Literature*. 1978. Vol. 5.
- Gerigk H. J.* Dostojewskijs Jungling und Salinger's «The Catcher in the Rye» // *Dostoevsky Studies*. 1983. Vol. 4.
- Gide A.* Dostoevsky. London; Toronto. 1925.

<sup>31</sup> *Salinger J. D.* The Catcher in the Rye. P. 123.

<sup>32</sup> *Ibid.* P. 94.

- Holmes J.C.* The Broken Places: Existential Aspects of the Novel // Passionate Opinions. London, 1988.
- Holmes J. C.* Go. New York, 1980.
- Kerouac J.* Desolation Angels. New York, 1979.
- Kerouac J.* Selected Letters. 1957–1969. New York, 1999.
- Light J.* Violence, Dreams and Dostoevsky: the Art of Nathaniel West. College English. 1958. Vol. 19, N5.
- McCullers C.* The Flowering Dream: Notes of Writing // McCullers C. The Mortgaged Heart. Boston, 1971.
- McCullers C.* The Russian Realists and Southern Literature // McCullers C. The Mortgaged Heart. Boston, 1971.
- Reid R.* The Fiction of Nathanael West: No Redeemer, No Promised Land. Chicago, 1967.
- Salinger J.D.* The Catcher in the Rye. New York, 1979.
- Vogue E.-M. de.* The Russian Novel. New York, 1916.

### *L'vova I. V.*

## NATHANIEL WEST AND THE INTERPRETATION OF THE THEME OF “DOSTOEVSKY’S CHRIST” IN THE TWENTIETH CENTURY AMERICAN LITERATURE

*Key words:* F. M. Dostoevsky, American literature, reception, influence, Dostoevsky’s Christianity, N. West, C. McCullers, J. Salinger, J. Kerouac, J. Holmes.

The article deals with the interpretation of the theme “Dostoevsky's Christ” in the works of the twentieth century American writers: N. West, C. McCullers, J. Kerouac, J. Holmes, J. Salinger. It focuses on the influence of Dostoevsky on the presentation of Christian motifs and images of heroes-saviors in their novels. The problem of Christian ideal in Dostoevsky’s works and its perception by American writers is also discussed.

### References

- Dostoevskij F.M. *Polnoe sobranie sochinenij: In 30 vols.* Leningrad, 1970–1990.
- L'vova I. V. “Khristos Dostoevskogo” v hudozhestvennom soznanii D. Keruaka. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta.* Petrozavodsk, 2011.
- McCullers C. *Serdce — odinokiy ohotnik.* Moscow, 1969.
- West N. *Den 'saranchi.* St. Petersburg, 2011.
- Andreach J. R. Nathanael West’s Miss Lonelyhearts: Between the Dead Pan and the Unborn Christ. *Modern Fiction Studies.* 1966. T. 12. N 2.
- Blackmur R. *Eleven Essays in the European Novel.* New York, 1964.
- Carr V. *The Lonely Hunter. A Biography of Carson McCullers.* New York, 1975.

- Furst L. Dostoevsky's Notes from Underground And Salinger's 'The Catcher in the Rye'. *Canadian Review of Comparative Literature*. 1978. Vol. 5.
- Gerigk H.J. Dostojevskijs Jungling und Salinger's 'The Catcher in the Rye'. *Dostoevsky Studies*. 1983. Vol. 4.
- Gide A. *Dostoevsky*. London; Toronto, 1925.
- Holmes J.C. The Broken Places: Existential Aspects of the Novel. *Passionate Opinions*. London, 1988.
- Holmes J. C. *Go*. New York, 1980.
- Kerouac J. *Desolation Angels*. New York, 1979.
- Kerouac J. *Selected Letters. 1957–1969*. New York, 1999.
- Light J. Violence, Dreams and Dostoevsky: the Art of Nathaniel west. *College English*. 1958. Vol. 19, N 5 (Feb.).
- McCullers C. The Flowering Dream: Notes of Writing. McCullers C. *The Mortgaged Heart*. Boston, 1971.
- McCullers C. The Russian Realists and Southern Literature. McCullers C. *The Mortgaged Heart*. Boston, 1971.
- Reid R. *The Fiction of Nathanael West: No Redeemer, No Promised Land*. Chicago, 1967.
- Salinger J.D. *The Catcher in the Rye*. New York, 1979.
- Vogue E.-M. de. *The Russian Novel*. New York, 1916.